
КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

СОЦРЕАЛИЗМ — ПРОБНЫЙ ХОД СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ В ЛИТЕРАТУРЕ «К ПРАВДЕ СВЯТОЙ»

К 150-летию со дня рождения классика русской и советской литературы Алексея Максимовича Горького

♦ ...Как учили нас мудрые наставники в Литературном институте им. А. М. Горького Союза писателей СССР (про нынешний «Тверской бульвар, 25» ничего сказать не могу...), если название художественного или литературно-публицистического произведения содержит более двух-трех слов, то дотошный читатель тотчас начинает искать в нем, то есть в собственно названии, некий скрытый смысл, завуалированный подтекст и так далее. А в наше, будь оно не к ночи помянуто, славное время превалирования в маскультуре, в литературе тож, детективного начала, а также всего содержания и окончания с лейтмотивом «хэппи энда», и вовсе искушенный знающий грамоте затаит про себя догадку конспирологического характера... А какое это удовольствие для литературного критика, творческий подход которого суть «ловля блох»?!

Эта преамбула имеет целью и назначением сообщить читателю: в названии настоящего очерка «как пишется, так и читается», а слова «к правде святой» закавычены исключительно по правилам русской грамматики, как взятые из пьесы «На дне» Максима Горького, столь памятные (слова) со школьных уроков литературы: «Если к правде святой мир дорогу найти не умеет, честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой». То есть «ловцы блох», а особенно конспирологи, далее по тексту очерка могут отдыхать: «правда святая» в его названии никак не соотносится с «безумцем» и «сном золотым».

Господи! Как надоело порой (и часто!) все разжевывать, почти что оправдываться, говоря на темы, в нынешнее (см. выше) время малопопулярные, а Алексей Максимович сейчас забыт основательно и почти что «директивно от СМИ». Но это почти обязательное добровольное бремя для главного редактора незапиаренного «толстого» литературного журнала. Увы. Ведь не следовать же, упрятав литературную совесть в карман, той же статье-персоналии о Горьком в популярнейшей «Википедии», где упор сделан на «гиперсексуальности Горького» и его неумеренной тяге к роскоши: здесь и житье-бытье на Капри, и каюта люкс-класса на пароходе, идущем в Америку...

Что здесь сказать? По части «гипер» разве что напомнить уже вековой с гаком анекдот, бытовавший в кухонных посиделках слегка диссидентовавших «под пузырек очищенной» интеллигентов, в котором на прогулке по тенистым аллеям Ясной Поляны Горький интересуется у Льва Николаевича (шел 1900-й год) о его грехах молодости по женской части, на что тот отвечает, что-де все было в принятой норме. Алексей же Максимович признается: «А я в молодые годы отменным был кобелем!» «Википедия» пошла намного дальше, продлив «гипер» пролетарского писателя до его смертного одра — о Марии Будберг речь идет... Воистину, используя термины науки психологии, в современном литературоведении происходит *сдвиг мотива на цель*, когда собственно анализ творчества писателя подменяется копанием в его

«окололитературном белье». И далеко не только в литературе; здесь сто очков вперед дает телевизионное кино- и театроведение, особенно в исполнении того чернопатлатого молодца, кумира пожилых домохозяек, что каждый божий вечер мельтешит на экране. Кстати, в самое «смотровое» время. И добрый наш народ, как библейские гадаринские свиньи, послушно и даже охотно бежит вослед этим сдвигателям мотивов в глубокую пропасть того полнейшего бескультурья, по части которого мы вот-вот «догоним и перегоним» Америку со всем Западом-Востоком вкупе... Но — это все к слову сказано, хотя и по делу.

Что же касается упреков Горького в тяге к роскошной жизни, то, во-первых, естественное желание человека с босяцким детством — юностью почувствовать во взрослой жизни расслабление; во-вторых, роскошь-то пролетарского писателя была сугубо относительной, на уровне какого-нибудь адвоката или чиновника средней руки, еще и на революцию грядущую изрядно давал; наконец, и в главных, не следует забывать истоки этой сомнительной «роскоши»: это не миллиарды \$ и € современных наших (а наши ли они?) *олигархеров*, разворовавших все, что Россия создала за свою 1000-летнюю историю: и материальные ценности сталинского и послесталинского периода, и сведя к нулю «личным примером», через продажные СМИ и пр. всю духовную составляющую, выработанную в русском народе от времени крещения Руси: от христианской морали и нравственности до образования и искусств. Литературы в том числе. Горький же не воровал, не занимался каким-либо видом спекуляции, не играл в карты и на бирже, но жил («роскошествовал») сугубо писательским трудом. А то что он оплачивался достаточно высоко, то здесь «виновата» отпущенная им от природы мера таланта, огромное трудолюбие и неустанное самообразование...

Заметим — по аналогии с Горьким — что как-то вскользь касаются Некрасова, признанного обличителя тягот трудового русского крестьянства. А ведь этот выдающийся русский поэт, значительную часть своей творческой жизни проведенный в самой отчаянной нищете, в одночасье, говоря словами Пушкина, «стал наследником всех своих родных», к тому же обнаружил в себе необыкновенно счастливое (без шулерства!) везение в картежной игре. И став самым богатым из русских литераторов, Николай Алексеевич совести не потерял: выписывая коллекционные охотничьи ружья и собак из Англии, задавая самые роскошные в Петербурге обеды, словно компенсируя голодную молодость, большую часть наследных и выигранных денег тратил на развитие русского литературного процесса: через свои «Отечественные записки» он де-факто и завершил создание великой нашей (вот это точно — нашей!) литературы XIX века и задал темп ее совершенствования на почти весь последующий век.

...Любого нормально, самодостаточно мыслящего человека бесит нынешняя ситуация с теми редкими Нобелевскими премиями, что сейчас получают ученые, преимущественно физики, из России. Как к новоиспеченному «нобелисту» липнут навязчивые корреспонденты: «А какую часть премии вы вложите в развитие своего института, научных фондов?» и так далее в той же тональности. Но никому из них в голову не придет с теми же дурацкими вопросами о пожертвованиях обратиться к любому торгашу, перекупщику и прочим представителям пресловутого класса «предпринимателей средней руки», у каждого из которых на текущем счету лежит не один такой «нобелевский миллион»... Почему-то считается, что достаточно скромная премия, полученная выдающимся ученым за полувековую и более лет сверхнапряженную работу ума, или, как в случае с Горьким, за истощающую голову и тело творческую и литературную деятельность, отмеченную — от природы — немалым талантом, есть некая дармовщина навряд ли выигрыша в лотерею, которой «по совести» надо делиться! А вот торгашество-спекуляция есть кровно заработанное и делению не подлежащее... Чуден мир твой, Господи.

Вот что опубликуют к грядущему юбилею Горького периодические литературные издания — не трудно догадаться: все та же «роскошь и гиперсексуальность». Пример тому свежайший: главной кинопремьерой, да еще телевизионной сериальной, то есть на массового зрителя, прошедшего года 100-летия Великой Октябрьской социалистической революции стал, конечно же, фильм о Ленине... но сугубо в контексте его торговли с Парвусом в части германских денег на революцию и доставки Владимира Ильича в Россию в опломбированном вагоне... Ни много, ни мало. Ради справедливости отметим, что ни одна революция в мире — по крайней мере после Великой Французской 1789-го года — не совершалась без поддержки извне: глобализация не сегодня родилась.*

...В отношении же Горького, как минимум, «акулы публицистического пера» добавят о возвращении писателя в СССР, объясняя это исключительно тем, что на Западе Горького начали забывать, тиражи, а значит и гонорары его упали, «роскошествовать» не на что стало... А то, что так долго держал его на Адриатике климат, более всего подходящий для хронического туберкулезника Горького (наследие «безроскошной» молодости...), это для «акул» довод третьестепенный. Болезнь же писателя была очень серьезной. Отец мой, Афанасий Андреевич, начинавший в тридцатые годы воинскую службу на Северном флоте, рассказывал о приезде Горького в те края со специфически суровым климатом. Едва Алексей Максимович сошел с поезда на перрон мурманского вокзала, как он стал задыхаться. Его на ближайший аэродром и — на Большую землю. Вот так-то, а они все о «роскоши» и нехватке гонораров!

Могу еще инвективу для «акул» подкинуть. Все мы, бывшие советские школьники, помним фотоиллюстрацию из учебника литературы, на которой Горький играет в шахматы с Лениным на острове Капри. На заднем же плане снимка стоят болельщики. В те же школьные годы один знающий много чего по жизни старший родственник обратил мое внимание на явную пустоту в шеренге болельщиков. «Подчищенная фотография,— объяснил он,— мне же довелось видеть ее в очень давнем издании: на нынешнем пустом месте стоял... Бенито Муссолини, тогдашний лидер итальянских социалистов. И не просто стоял, а чему-то хохотал, уперев руки в боки!»

...Впрочем, хватит нам подсказывать «акулам». Они и не то посочиняют или из архивов извлекут. Это мы все написали к тому, что в отношении Горького сейчас действует, не только в масс-медиа СМИ, но и к сожалению в сугубо литературной периодике, общая идеология «свержения советских кумиров»: оболгать и смешать с грязью. Тому же служит и пресловутая «академическая объективность». Во всяком случае, даже робкие попытки объявить «годом Горького» 2018-й не предпринимались. Все четко расставлено по регламенту нынешнему... Но мы обращаемся ниже к теме очерка, заявленной в его названии.

♦ Мы не щегольства ради и «профессорского снобизма» сделали выше ссылку на свою, сугубо научную, впрочем, свободно читаемую любым образованным человеком, книгу о существовании современного процесса глобализации мира. И позволим <пользы для> дать из нее краткое определение, скорее пояснение, термина «пробный ход социальной эволюции» — из названия настоящего очерка. Любой эволюционный процесс, который мы «сузим» для большей понятности до жизни на Земле, от собственно эволюции по Дарвину — Ламарку и до его вершины — социализации *homo sapiens* в эпоху цивилизации и культуры — движется во времени методом тупиковых, ложных и пробных ходов, на общем фоне которых природа, то есть законы Ми-

* Интересующиеся см. книгу: Яшин А. А. Феноменология ноосферы: Глобализм, или высшая и завершающая стадия империализма: Монография «Живая материя и феноменология ноосферы». Т. 12 / Пре-дисл. А. И. Субетто.— Тула: Изд-во ТулГУ, 2016.— 460 с. (В электронном виде — на разных сайтах Интернета; набрать по поисковику Ф. И. О. автора и название книги).

рождения, выверяет магистральный путь. Тупиковые и ложные ходы отсекаются от этой магистрали, а вот пробные, как правило, в какие-то временные периоды опережают в своей действенности магистральное устремление. То есть они как бы «подсказывают»: хотя мы и опередили верный путь эволюции, но она учтет их в своем дальнейшем <тоже верном> движении. И вовсе не беда, что до этого «дальнейшего» времени опыт пробного хода вроде как забывается... Каждый из вас, уважаемый наш читатель, тотчас и особо не задумываясь вспомнит множество ситуаций — от личных бытовых до прочитанного из сферы истории и высокой политики — подобного рода.

Если же вспомнить из курса школьной — желательной советской, объективной в рассмотрении событий мирового ареала — истории о последовательности смены общественно-экономических формаций, от первобытно-общинной стадии до социально ориентированной (социализм — коммунизм в тогдашней терминологии) фазы социальной эволюции человечества, то станет понятной роль пробных ходов. Здесь классический пример Франция: прикиньте, сколько раз после революции 1789-го года республика (она у них по счету сейчас официально именуется пятой...), то есть буржуазный строй, «чередовалась» с монархией, как отголоском феодализма?

Поэтому величайшую в мировой истории «контрреволюцию» (она же первая в новейшее время и самая впечатляющая «цветная революция») в СССР и во всем мировом лагере социализма, исключая Кубу, Китай, Вьетнам и КНДР, в самом начале завершающего двадцатый век десятилетия вовсе не следует понимать как признание социалистической формации тупиковым ходом эволюции. Абсолютно нет — это было грандиозным пробным шагом. Во-первых, потенциал империалистической стадии капиталистической формации к началу двадцать первого века оказался еще не исчерпанным; во-вторых, и в главных: все же прав оказался Маркс об одновременности перехода *всего* мира к социалистической формации. На начальном этапе создания СССР в том же был убежден Троцкий (как бы мы не относились к «Иудушке», используя ленинское прозвище). Ленин же был поставлен перед фактом социалистической единичности СССР, поэтому и появилась его корректировка Маркса «о возможности победы социализма в отдельно взятой стране».

Великий практик и стратег строительства в СССР социализма в его советской форме Сталин, вне всякого сомнения, понимал правоту Маркса, поэтому, упразднив не оправдавший себя Коминтерн, использовал победоносные для СССР итоги Великой Отечественной войны и вообще ситуацию, сложившуюся после Второй мировой войны, для создания мирового социалистического сообщества государств, далее продолженное его преемниками, хотя бы «волюнтарист и пробобелист»* Хрущев едва не погубил начатое Вождем дело. Однако перманентная социализация мира не смогла преодолеть мобилизовавший все свои немалые еще возможности империализм. В итоге СССР подчистую проиграл Третью («холодную», информационную и пр.) мировую войну. И сейчас имеем то, что имеем... Пробный ход социализации в советской ее форме завершился, ибо магистральный путь социальной эволюции, как человечество осознало его только в последние два десятка лет, завершением которого является создание (уже прямо по Марксу) бесклассового мирового сообщества, прообразом которого в пробном ходе явился СССР, так «запрограммирован» законами Истории — Мироздания, что это мировое объединение должно состояться в рамках... глобализации (!) Да-да, именно сам империализм в высшей и завершающей своей стадии подготовит социально-экономическую базу для грядущего всемирного бесклассового общества. Сам же он как общественная формация отомрет. И что в этом

* Так характеризовался Никита Сергеевич после его снятия со всех постов осенью 1964-го года в советских СМИ. Последние и тогда были слабограмотными, поэтому часто путали слово «пробобелист» — от имени Августа Бебеля, имевшего «терки» с Марксом — с веселым «пробабелист». Народ усмехался.

удивительного? Достаточно знать историю, которая и не такие «выкрутасы» при смене формаций являла человечеству.

Словом, *per aspera ad astra* (через тернии к звездам — в пер. с лат.), ибо уже начавшийся этап глобализации, который продлится — по различным авторитетным (и не очень...) прогнозам — от восьмидесяти до двухсот лет, явится величайшим испытанием для человека. И, понятное дело, сложившееся к окончанию периода глобализации мировое социально ориентированное сообщество, да и сам человек, почти ничем не будут напоминать не только общество и его членов в произведениях добрых старых писателей-утопистов навроде Мора, Кампанеллы, Этьена Кабэ, нашего князя В. Ф. Одоевского, но и реалии прошедшей советской эпохи. Но и не надо особо жалеть наших далеких потомков: человек обладает выработанной гибкостью приспособления к жизненным ситуациям; как говорится, внук — это уже не его дед, хотя внешне и схожи.

Но все же мы, захватившие в своем жизненном движении изрядное число советских лет, должны гордиться: ни до нас, ни после, в том числе в постглобалистском бесклассовом *человейнике* (термин нашего выдающегося ученого и писателя-социолога А. А. Зиновьева), *никому в мире* не выпадет жить в подлинно бесклассовом обществе с полностью заглушенным атавизмом частнособственности — особенно в «золотые» 60—80-е годы*! При этом в полной мере чувствуя себя индивидуальной личностью, чего вовсе не будет в воследующем *человейнике* — то есть Марксовом мировом коммунизме. Пусть члены одноименной партии на нас не обижаются: законы Истории — Мироздания исправлению не подлежат...

♦ Приведенное выше пространное пояснение вовсе не авторская прихоть, ибо оно на уровне современного знания объясняет предтечу возникновения соцреализма как литературного (других отраслей советского искусства, культуры и пр. мы здесь не касаемся, учитывая конкретику заданной темы очерка) отражения того *пробного* хода социальной эволюции, который мы называем периодом советского социализма в истории России.

Опять же уточним терминологию. Соцреализм, как принятое сокращение, однозначно читается как социалистический реализм, то есть это определение сужено до «привязки» к конкретной общественно-экономической формации, к социализму. Еще большее сужение подразумевает действовавший с СССР вариант последнего: советский социализм. Уточнение существенное, ибо формы социализма могут быть различными, доходя до полного взаимного антагонизма. Так в 20—40-е годы прошлого века наряду с <интернациональным> советским социализмом миру были явлены германский национальный социализм (нацизм) и итальянский социализм Муссолини, особенно в последний его период — республика САЛО (фашизм). И сейчас, когда уже нет Советского Союза, наблюдаем различные формы социализма в мире: тот же «шведский социализм», китайский социализм, чем-то напоминающий госкапитализм. А еще совсем недавно в <ныне разгромленной империалистами> Ливии Муаммар Каддафи создал арабский вариант социализма: Арабская социалистическая джамахирия...

Но вернемся к советскому соцреализму, причем не вызовет особого возражения читать это сокращение как *социальный реализм*, в нашем случае с прибавлением определения *советский*. Это вовсе не логико-грамматическая казуистика, но терминологическое уточнение, в рамках которого советский социальный реализм суть литературный (см. выше: речь идет только о литературе) метод, в полной мере воспринявший основные творческие традиции и высокий художественный уровень русской

* См. книгу: Алексей Яшин. Зато мы делали ракеты: Воспоминание о будущем (седьмая книга рассказов Николая Андреевича): Роман-новеллино / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы. — М.: «Московский Парнас», 2015. — 441 с. (В электронном виде на сайте www.pz.tula.ru).

классической литературы XIX — начала XX века, в особенности периода доминирования критического реализма, осознанно переориентированный в ситуации бесклассовой* социальной среды, из обихода которой директивно и воспитательно полностью изъят атавизм частной собственности, на художественное отображение процессов создания исторически новой социалистической формации, а главное — человека нового типа с душевной, морально-этической и интеллектуальной организацией, понимающего личную свободу как осознанную необходимость (по Гегелю и Марксу), жизненные личные устремления которого гармоничны в рамках социума, а степень достижения (реализации) которых обусловлена двумя основными факторами: данными природой и воспитанием, в том числе <волевым> самовоспитанием, личностными качествами и степенью коррелирования и векторизации этих качеств с потребностями социума, в данном случае государственно монолитного.

...Вроде как не особо коряво сказано, хотя бы мы убрали принятую в советское время этукую «цветистость» в определениях такого вида.

Коль скоро выше сопоставляются — соподчиняются русский критический реализм и соцреализм, то естественен вопрос: если в первом все художественные средства литературы использовались в ситуации коллизии борьбы добра со злом, или хорошего с малохорошим, или... и так далее, то кто с кем «борется» в рамках метода соцреализма? Те же старинные наши — и добрые в общем-то в душе — «кухонные диссиденты» иронизировали, дескать, соцреализм — это художественное отображение борьбы лучшего с еще более лучшим... Почему-то авторство такого лихого определения приписывали замечательному русскому советскому писателю Федору Васильевичу Гладкову, кстати, родоначальнику жанра так называемого производственного романа, автору «Цемент» и «Энергии». Кстати, великолепно написанных книг, памятных мне с отроческих лет. Но... все же его автобиографическая тетралогия о детстве-отрочестве-юности с ее колоритными сценами из мещанско-купеческого быта еще более художественна. Именно за нее Гладков и получил с перерывом в год аж две Сталинские премии... Впрочем, на Федора Васильевича много чего повешали. Даже одесские классики Ильф с Петровым его не обошли в эпопеи об Остапе Бендере; помните? — «Толстовка-гладковка» (это о покрое мужских рубаш навывпуск).

Все это, конечно, чушь околосредовая — навряд ли масла масляного, оно же сражение «лучшего с еще более лучшим». В отличие от определенной прямолинейности отрицания добром зла в методе русского критического реализма, в советском соцреализме диалектически, то есть основанное на трех законах диалектики Гегеля (и Маркса — Энгельса, впрочем, скорее последнего), обусловленное противостояние имело не отрицающий, но скорее поощряющий характер. В центре внимания этого творческого метода была вовсе не *система* (это опять от диссидентствования на московских кухнях), но человек нового типа, уже упомянутый выше. А как развивается телом, умом, душой любой человек? — Правильно, он вырастает из прежних «одежд» (для тела — без кавычек) и обретает все новые и новые. Для советского же социума дополнительно требуется еще *общественная гармония*. И сущность конфликта, как стержня сюжетной организации литературного произведения, в соцреализме переносится в духовную сферу, проще говоря, в аспект «догоняющей» моральной организации человека — члена общества с декларируемой высокой степенью этой организации. То есть устремление к идеалу — маяку, в основе которого лежит христианская мораль, хотя бы она в СССР и именовалась «Моральным кодексом строителя коммунизма», а не <как в первоисточнике> Нагорной проповедью

* Официальное разделение населения СССР на классы рабочих и крестьян с межклассовой прослойкой интеллигенции во многом являлось формальным, особенно начиная с 60-х годов.

Христа или заповедями блаженств Нового Завета.* Места удивлению и иным эмоциональным проявлениям здесь нет. Более того, как и советский социализм, христианство — речь идет о его морали, а не об институте христианской церкви — также является своего рода, хотя и растянувшимся на два тысячелетия, пробным ходом социальной эволюции. Увы, сейчас, «на взгорке» глобализации, от морали Христа мало что остается... Так что совсем не популистскими звучат слова Г. А. Зюганова, что Иисус Христос был первым коммунистом.

Надеемся, что изложенное выше краткое определение соцреализма, лишенное догматичности советских учебников истории, напомнит читателям, заставшим советскую эпоху в сознательном возрасте, о том времени, когда литература искала путь «к правде святой», а не только жаждала пиара-гонорара!

♦ Переходя собственно к формированию творческого метода соцреализма, роль Горького в котором если не решающая, но — направляющая, нельзя не вспомнить положение дел с литературным творчеством и литполитикой в СССР в первые десять послереволюционных лет. А творилось очень даже похожее — в части той же литературы — на наше время, включающее последние двадцать с небольшим лет. С одним «малозначительным» отличием: если сто лет назад русский литературный мир кипел, вырывался паром многочисленных талантов — от поэтического хулиганства до литературно-философской прозы *все были талантами!* — то сейчас, говоря словами одного из тех давнишних «в третий раз не будем употреблять в одном предложении то же слово», «мы — умы, а вы — увы!» Причем 100 %-ый акцент ставим на последнем слове... Увы. Хотя страсть к тем же эпатажным названиям книг воскресла в полной мере. Не моя задача рекламировать одну нынешнюю частную премию и кандидатов на получение оной, но не могу отказать себе в удовольствии и в контексте с означенным выше сравнением литературных эпох привести название номинированных на премию 2017-го года книг. А именно: «В Советском Союзе не было аддерола», «Не боюсь Синей Бороды», «Ленин. Пантократор солнечных пылинок», «Конец Покемаря», «Захлок», «Голомяное пламя», «Лампа Мафусаила, или Крайняя битва чекистов с масонами», «Петровы в гриппе и вокруг него», «Манарага», «Головастик и святые» и так далее.

Еще раз — это не упрек и не порицание авторам, несомненно уважаемым людям, а названные их произведения вовсе не случайно отобраны в «длинный список» еще более высокочтимой премии. «Разоружаясь перед партией», как говорили на партбилетах тридцатых годов, и себя включу в череду диковинных названий со своим романом «Задушевные беседы об умозамещении»... Итак, история повторяется, ибо она циклична и в области литературы. Точно также в 1920-м году в изданном сборнике самых «истовых» имажинистов Александра Кусикова и Вадима Шершеневича «Коробейники счастья» первый представлен «Коевангелиераном (Поэмой причащения)», а другой ни много ни мало «Песней песней». Но ведь это была поэзия с большой буквы! Вчитайтесь в строфу «Песни песней»:

*Что трансатлантик речными между,
Ты женщин остальных меж
Мной и полночью славлена дважды
Шуршащего шопота мышь.*

* См. книгу: Яшин А. А. Феноменология ноосферы: Апология христианства: монография «Живая материя и феноменология ноосферы». Т. 15 / Предисл. А. И. Субетто.— М.: «Московский Парнас», 2018.— 506 с. (В электронном виде — на разных сайтах Интернета; набрать по поисковику Ф.И.О. автора и название книги).

...И у Кусикова:

*Полумесяц и Крест,
Две Молитвы,
Два Сердца,
(Только мне
— никому не дано)
В моей душе христианского иноверца
Два Солнца
А в небе одно.*

Первые послереволюционные годы на фоне грохочущей со всех четырех сторон света вокруг Новой России, сжавшейся до размеров Московского княжества, фронтов Гражданской войны в литературе вылились в эклектическое поэтическое соревнование в стенах Политехнического музея. Но уже семимильными шагами вступала в советский мир новая проза — предвестник соцреализма. Уже комиссар Фурманов, как положено, оболганный в новом телеварианте фильма о Чапаеве, работал над своей книгой о легендарном командире 25-й дивизии на Колчаковском фронте. «На подходе» были Серафимович, Алексей Толстой, Борис Лавренев, Овадий Савич с их темой великой послереволюционной войны. Двадцатые годы — разноцветье русской и советской (во многом еще порознь...) литературы, издававшейся как в России, так и в Берлине, Праге, Париже, Белграде, в «русском» китайском городе Харбине. А что происходило в «двоюродном брате» литературы — в театре? Неистовал Мейерхольд с его интермодернизмом. Опять же читай у наших выдающихся одесских классиков карикатурное, но верное описание «трудовых будней» вымышленного театра «Колумб», на представления которого в глубоко традиционалистском тогда городе Тифлисе билеты не были распроданы.

И так далее. Образованному в советское время читателю и объяснять-то не надо, а нынешним поколениям? — Мы с ними на разных языках говорим. Они — *«on line»* в переписке по «инту» типа (по Мише Задорнову): «Ты че?» — «Я ни че, а ты?» А мы-то все о высоком, исторически значимом талдычим... Именно так они, юные «строители» Новой России, и понимают всякие историко-литературные реминисценции: от слова *талдонить*, то есть говорить зазря (по Владимиру Далю)...

Меж тем, победив в Гражданской войне врагов внутренних и интервентов Антанты, но только проиграв, «благодаря великому стратегу» поручику Тухачевскому Польскую кампанию, выслав идеолога всемирной революции (опять же вспомните стихи выдающегося поэта Велимира Хлебникова, участника похода Красной Армии по созданию Персидской советской республики...) Льва Давидовича Троцкого сначала в Ташкент, а затем и вовсе — по «нансеновскому паспорту» — в Норвегию, советская власть начала задумываться об отечественной литературе, благо соответствующий наркомат возглавлял Луначарский, сам видный публицист. И роль «жены и друга вождя мирового пролетариата» Надежды Константиновны здесь не следует преуменьшать. Во всяком случае <уже позднее> появившийся «проскрипционный список» нежелательных для прочтения советским человеком книг, кстати, действовавший в базисе своем до окончания СССР, именовался как список Луначарского — Крупской... Но — может и на пользу действовал, разумея реалиями нынешнего дня. Во всяком случае, все эти издания «под запретом» хранились во всех библиотеках областного уровня в советское время. Если читатель знал их библиотечный номер <а они в кругах интеллигенции из рук в руки передавались>, то их безропотно выдавали для ознакомления в читальном зале. Еще проще — коробка конфет «Птичье моло-

ко»... До изумления проста и народна была советская власть! Все было можно и возможно, но только с джентльменским условием: «не трогать за вымя» советскую власть и *лично* Первого и Второго Ильичей...

◆ Задумалась советская власть и об упорядочении творческих устремлений писателей. Первой пробой оказался Пролеткульт. У его истоков стояли весьма разномастные люди. В который уже раз вспомним бессмертных одесских классиков. Из их знаменитой дилогии: «Вышел старик Ромуальдыч в поле, понюхал портянку и аж весь заколдобился». И, разумеется, как подзаработки для в спецпоезде на сострывковку рельс Турксиба Остап Ибрагимович сочиняет для слабо грамотных пролетарских литераторов универсальный справочник-руководство для написания романов, эпических поэм и народных сказаний... Это как у нас в девяностые — начале двухтысячных годов каждую неделю на полках тогда еще не упраздненных (за нерентабельностью) книжных магазинов появились свежееотпечатанные оптом десятитомные собрания сочинений сексуально-детективного содержания под звучными, обязательно женскими, «псевдонимами», скороспело написанными «литературными неграми» по переведенным «с американского» компьютерным программам, в которые — по избранному из прейскуранта сюжету и фабуле — оператор вычислительной техники «вбивал» русскоязычные имена персонажей и антураж действия «ин рашен». После того как «комп выплевывал» уже готовый текст с заданным числом страниц, профессиональные еще с советских годов редакторши, горестно вздыхая о нынешнем воспитании своих детей и внуков, приводили машинный язык к нормам русской словесности, а правленный текст передавали в типографию...

Но советский Пролеткульт принципиально отличался от нынешнего «Буржжульта» своим устремлением к заорганизованности, понятно дело, сочетаемой с традиционной русской административной бюрократией. Как и во всех послереволюционных (в мире) ситуациях, молодая и энергичная власть и еще не потерявший восторженно-энтузиазма народ (электорат по-нынешнему) гипертрофированно усиливают как положительные свои национальные качества, так и сугубо негативные...

И «у руля» создания и дальнейшей действительности Пролеткульта, оговоримся, были приверженцы и пропагандисты идей нового, советского искусства, литературы в первую очередь, как вида культурного развития масс, не требующего больших материальных затрат, весьма своеобразного, различного характера. Интеллигенты старого запала, тот же Луначарский, понимая нужность и своевременность задачи координации творческой деятельности, порой делали хорошую мину при игре, которая не совсем им была по нутру. Конкретно и четко определил ситуацию Владимир Ильич <даем полную, не привычно обрезанную цитату>*: «Пока наши массы темны и безграмотны, важнейшими из искусств являются кино и цирк».

...Скандировал со всех возможных трибун пролетарский поэт Маяковский. Строчил километры своих стихов — впрочем, все по *тогдашнему* времени не в бровь, но в глаз! — Демьян Бедный, «мужик вредный»... Были и вовсе одиозные руководители Пролеткульта. Достаточным будет вспомнить композитора и вообще мастера <в искусстве> на все руки Арсения Аврамова (это подчеркнуто библейский псевдоним; на самом деле был он сыном донского казачьего генерала...), сочинившего к пятилетию Октябрьской революции «Симфонию гудков», во всем мире признанную самым модернистским музыкальным произведением.

Главное, рассуждая о времени Пролеткульта, следует постоянно держать в голове, что на этот период отечественной литературы пришлось сосуществование, причем в совершенно различных коллизиях — от добрососедства до откровенного взаимонепри-

* Это как с известными словами Ленина о нашем городе: «Значение Тулы для республики огромно, но массы там далеко не наши».

знания — наследников русской классической литературы, причем в десятках имен первой величины, те же Бунин, Леонид Андреев, сам Горький, Куприн, Алексей Толстой, Дмитрий Мережковский и многие другие — неважно, «у себя дома» или в эмиграции, и выходящих на сцену литературного процесса писателей и поэтов, что в скором времени составят костяк горьковского метода соцреализма: Шолохов, Леонид Леонов, Борис Лавренев и так далее — и сейчас их имена еще держатся на слуху в России.

Мы намеренно назвали только прозаиков по преимуществу, ибо еще более пестрая картина наблюдалась в стане поэтических талантов. Здесь еще далеко было до умиротворяющего штиля в мощнейшем, увы, последнем, великом всплеске русской поэзии — речь идет о Серебряном ее веке. Наряду с ее классиками до пролеткультовых времен, вовсе не «прокрустовых» на рубеже десятых-двадцатых годов, уверенно дошел поэтический модернизм. И не только дошел, но получил новое дыхание, ибо революции (только не нынешние «цветные»!) и битвы гражданских послереволюционных войн всегда являлись катализаторами поэтического вдохновенья... каким бы кощунственным это не представлялось в более мирные времена. В чем-то это сродни расхожему про «кому война...» Но у массового поэтического всплеска свои социальные движители.

Таким образом, роль Пролеткульта, как изначально ограниченного во времени своей действительности образования идеологически — творческого характера, являлась двойственной. С одной стороны, он был смешением всех творческих сил России, то есть уже СССР, где каждый — классик русской словесности, поэт-модернист и начинающий пролетарский писатель от станка или сохи — имел право... ну-у, скажем осторожно, *совещательного* голоса; с другой же — явно просвечивалось сугубо директивное сито. Заметим, что по старинному и всегда вечно новому и не отменяемому, русскому административно-бюрократическому обычаю, размеры ячеек этого сита уменьшались по мере удаления от столицы. Каждый чиновник, в том числе от литературы, чем меньшим рангом он обладает, тем более он «борзеет» по принципу: как бы чего не вышло... А потом его сын или внук, продолжая трудовую династию чиновничества, все свалят, например, на Сталина. Не забудут и Анатолия Васильевича Луначарского и других наркомов по культурной части. И совсем с восторгом проскандируют про хрущевских «пидорасов». А с особой обидой и до сих пор с телеэкранов долгожители соцреализма поминают достославного руководителя советских масс-медиа (не вспоминается фамилия, вроде как Лапин?), что во всеуслышание заявил, дескать, наше ведомство Госкомтелерадио не фабрика «Красный пролетарий» и трудовые династии нам не нужны! — И разогнал многочисленные когорты детоквнуков знаменитых фамилий по областным театрам, филармониям и пр. ...Только ближе к горбачевщине сумели бедолаги вернуться на вольные столичные хлеба.

Выполнив свою роль, в общем-то положительную, если оценивать ее сугубо объективно, Пролеткульт ушел. Главное, в борениях, страстях и многих ошибках порой, были намечены контуры нового в мире творческого метода, особенно в литературе — соцреализма.

♦ Еще раз подчеркнем, что ставим знак тождественности в понятиях, разно расшифровывающих это сокращение: *социалистический реализм* ≡ *социальный реализм*. И повторимся: в том и существенное отличие соцреализма от <предыдущего по времени> русского критического реализма XIX — начала XX веков, что сугубый критицизм последнего уступил место реализму в анализе социальной среды. Лучшее самого Горького никто не обрисовал это различие (из его литературно-публицистической статьи — цитируем по опосредованному источнику): «*Русская литература — самая пессимистическая литература Европы; у нас все книги пишутся на одну и ту же тему — о том, как мы страдаем: в юности и зрелом возрасте — от недостатка*

разума, от гнета самодержавия, от женщины, от любви, от любви к ближнему, от неудачного устройства вселенной; в старости — от сознания ошибок жизни, недостатка зубов, несварении желудка и от необходимости умереть.

Каждый русский, посидев «за политику» месяц в тюрьме или прожив год в ссылке, считает священной обязанностью своей подарить России книгу воспоминаний о том, как он страдал. И никто до сего дня не догадался *выдумать* (выд. нами. — А.Я.) книгу о том, как он всю жизнь радовался».

...Здесь за примерами ходить не надо, их масса неохватываемая. Даже гений русской и мировой литературы, правда и побывав на каторге большее число лет, Достоевский такую книгу счел необходимым написать. Главная здесь мысль Горького — литература русского критического реализма отображает онный преимущественно в «наклонении страдательном» (это уже не Горького, но наше определение). Выше, цитируя Горького, мы намеренно выделили слово *выдумать*. Вряд ли оно несет у писателя иронический подтекст, кстати, достаточно характерный для художественной прозы и литературной публицистики Алексея Максимовича — и подтекст чисто горьковский. Скорее всего здесь подсознательно «сработала» мотивация мышления, характерного для юношеского романтизма Горького. И не удивительно, что литературно и жизненно умудренный, обдумывая основные каноны грядущего творческого метода соцреализма, его основоположник особо отметил элемент романтизма, своеобразной идеализации — в смысле устремленности к идеалу, — как существенный для литературы в рамках соцреализма. Вряд ли в этом утверждении ошибаемся... Потом ведь в части литтворчества слова *выдумать* и *сочинять* синонимичны, а в отечественном обиходе, во всяком случае в XIX — начале XX вв. такими же синонимами являлись *писать* и *сочинитель*.

Конечно, не Сталин вызвал в тридцать втором году Горького из заграницы и приказал: а) обосновать творческий метод соцреализма; б) создать Союз писателей. — Это все из тех же кухонно-диссидентских посиделок времен «хрущевской оттепели». Тот же «производственный роман», упрощенно трактуемый вершиной метода соцреализма, за годы до возвращения в СССР Горького уже являлся одним из наиболее распространенных жанров советской прозы. Даже если полагать, что его истоки тянутся из Пролеткульта, все одно произведения, например, Gladкова или Мариэтты Шагинян на сугубо рабочую тему — еще задолго до классики этого жанра, «Журбинь» (1952 г.) Всеволода Кочетова — были созданы в период перед «оформлением» соцреализма, как превалирующего творческого метода в советской литературе.

...Поскольку уже начиная с восьмидесятых годов, а вообще-то еще намного ранее в так называемых «интеллигентских кругах», производственный роман — в прозе и «поэзия рабочего удара» были отнесены по категории юмористических насмешек, то здесь можно ограничиться народной присказкой насчет яичка, которое дорого в пасхальный день. Но здесь — и уже безо всякого юмора и насмешек (дескать, не гоже «мысли черпать из забытых газет времен очаковских и покорения Крыма»... последнее не о нынешних событиях, понятно дело) — утверждаем, что роман о рабочем классе был тем самым «мавром, что сделал свое дело»: начиная с первых сталинских пятилеток, он *объективно* отображал все явления *социального реализма* в стране.

...Чтобы не быть голословным, протянул руку к книжной полке, число которых значительно пополнил из тульской «Букниги», удивительно богатой в семидесятые-восьмидесятые годы на раритеты всех жанров, и почти что наугад достал один из первых производственных романов (написан в 1932 году, издан через год, Москва, ОГИЗ, Молодая гвардия) с трогательной карандашной надписью на титульном листе покупателя этого тома с обозначением даты: *20.III.34, Тула*. Это ныне полностью забытый роман Якова Ильина «Большой конвейер» — о строительстве и пуско-наладке

гиганта первой пятилетки Сталинградского тракторного завода. Кстати говоря, «забыт» он был еще во второй половине сороковых годов, сразу после активизации «холодной войны», поскольку в романе, как сугубо *реалистическом*, во всех сюжетных линиях раскрывается роль американцев в строительстве завода, сооружаемого по проекту компании Форда. И руководят стройкой и пуском завода американские инженеры, а если персонажем является инженер советский, то обязательно прошедший двухгодичную стажировку в Америке на конвейерах Форда... Точно также и все первенцы сталинских пятилеток строились по проектам и при участии американских и германских компаний. Ничего зазорного в этом не было: еще Владимир Ильич призывал постоянно использовать научный и промышленный потенциал империализма для индустриализации Советского Союза, что и было блестяще использовано Иосифом Виссарионовичем в ситуации всеобщего народного энтузиазма: «Пятилетку за три года!»... Только партторги в романе Якова Ильина не проходили стажировку за границей. Оно и понятно.

Но в начавшейся «холодной войне» показывать роль империалистов в индустриализации страны было уже не комильфо. Поэтому «Большой конвейер» и не вошел в «святыцы» производственного романа в послевоенные годы. Ну-у, это отступление мы сделали, так сказать, к слову.

Предисловие к книге поможет нам избежать многословных пояснений: *«Пролетарская художественная литература настолько молода, что она живет в обществе почти всех своих представителей. Наш писатель имеет возможность следовать по маршруту книги к своему читателю — самому внимательному и самому требовательному читателю, который когда-либо существовал... «Я полагаю,— пишет Ильин,— что читатель, не боящийся рассуждений и описаний, найдет в этой книге пульс нашей жизни, отражение своих интересов, дум, дел».*

Мы уверены, что читатель найдет в этой книге одно из значительных произведений нашей литературы. Значительное потому, что здесь автор сумел с предельной простотой и художественной правдивостью раскрыть и показать движущие силы большого конвейера нашей эпохи.

Не пытаясь выутюжить глубокие складки социальных противоречий, он показывает закономерность классовых борьбы и исторически обусловленную победу пролетариата и его партии на фронтовой линии «догнать и перегнать».

В «Большом конвейере» Ильин мастерски показывает большевистский старт на высоты передовой техники. Он дает художественно ясный и четкий ответ на то, как и почему партия должна была подхлестывать страну, отставшую в своем развитии на сотню лет».

...И так далее, включая триста пятьдесят страниц текста самого романа, в завершении которого один из главных персонажей Газган слушает по радио новости тех дней: «Голос <диктора> сообщал о строительстве Свирской гидроэлектростанции, о том, что Алюминиевый комбинат уже принял ток с Волховстроя, о том, что в Ленинграде на «Электросиле» строится крупный гидрогенератор...»

И ведь все это — не фантазия («выдумка» по-горьковски; см. выше) ныне и вообще давно забытого автора, но самая настоящая социальная реальность отображенная в литературно-художественной форме. Тот же соцреализм в его действии. ...Все же, скорее всего, рука не случайно взяла с полки роман Якова Ильина. — Здесь в памяти переплетение времен. Отец мой Афанасий Андреевич перед воинским призывом, на двадцать лет связавшим его жизнь с Северным флотом, работал кузнецом-молотобойцем на упомянутом выше Волховстрое. Намного позднее рассказывал мне, школьнику второй ступени, как в выходные дни приезжал в Ленинград к опекавшему его дядьке и, сидя в теплый июльский день, плавно переходящий в почти светлую

ночь, на ступенях Исаакиевского собора, взхлеб читал только что вышедшую книгу под названием «Большой конвейер» (имя автора за давностью лет где-то глубоко затерялось в памяти...) и про себя с каждым новым эпизодом повествования отмечал: все верно, все как у нас на Волховстрое!

♦ Все сказанное выше с акцентом на «производственном романе», правильное — на произведениях о рабочем советском человеке, приведено в контексте с утверждением: не Горький <по приказу Сталина по кухонно-диссидентски...>, прибыв поездом через Берлин в Москву, приняв команду на исполнение, на голом месте «создал» соцреализм, Союз писателей СССР и «на десерт» — Литературный институт, позже его имени.

Не устаем повторять, что в социальном процессе все развивается по <гегелевско-марксовской> диалектической спирали, выправляя магистральный путь методом пробных, ложных и тупиковых ходов. Так и здесь: генеральной пробой писательской организации страны явился Пролеткульт; соцреализм еще в конце двадцатых — начале тридцатых годов, как мы только что пространно пояснили, уже находился на этапе *действенности*; даже уникальное и единственное в мире (вроде как в ГДР имелось схожее учебное заведение, но намного меньшего масштаба) писательское образовательное учреждение — Литературный институт имел своих солидных предшественников: Институт философии, литературы и искусства (ИФЛИ), а еще ранее другие писательско-образовательные общественные*, например, курсы Шаняевского.

Другое дело, что ЦК ВКП(б), конечно и внимательно «курировавший» культурную жизнь страны Сталин, приняли установку на идейную, организационную и так далее, вплоть до бытовых условий, координацию литературно-творческих сил СССР. Идеологический же аспект однозначно относился к выбору главенствующего творческого метода, получившего далее наименование соцреализма. И, понятно дело, фигура Горького во всех отношениях, исключая только его застарелую болезнь, отвечала насущным обязанностям и общественному реноме организатора и вдохновителя этого процесса соорганизованности. Его талант писателя-реалиста, признанный Европой еще до революции, не убавленный даже «проигрышем» в нобелевском состязании с Бунинным, членство в РСДРП с 1905-го года, всемирный литературный авторитет, а главное — понимание сущности, точнее — *насущности*, соцреализма, как творческого метода отображения жизни страны и воспитательного его содержания — все это в итоге поставило Горького в первой половине тридцатых годов на роль фактического, подчеркнем, главы и организатора литературного процесса в стране.

В тридцатые годы, когда Горький непосредственно занимался как организацией Союза писателей СССР, так и — в основном — разработкой концептуальных положений творческого соцреализма, новая советская, русская в своей основе, литература являла стране и миру (см. книги Анри Барбюса, Лиона Фейхтвангера, даже Андре Жида с его заметным негативом, побывавших в эти годы в СССР и написавших о всех сторонах советской жизни свои книги, ставшие на Западе бестселлерами) взлет многочисленных, ярких, самобытных по преимуществу талантов. О новых и еще до-революционной известности писателях-романистах уже упоминалось выше. Но наиболее впечатляющим был в те годы творческий всплеск в части русского советского рассказа. Почему именно этого жанра многоликой прозы? — Ответ, как нам представляется, заключается в специфике тогдашней читательской аудитории: во-первых, требовалась достаточно сжатая, мотивированная форма художественного произведе-

* Де-юре и Литературный институт до начала 90-х годов был... общественной организацией, поскольку находился под юрисдикцией Союза писателей СССР, тоже общественной организации. Но ведь и КПСС по уставу являлась общественной, а Сталинская премия была «частной», говоря нынешним языком, поскольку формировалась из гонораров за книги Вождя...

ния для людей с живой еще памятью о событиях революции, Гражданской войны и начале индустриализации страны — временах стремительных, конкретно очерченных в делах и сроках, словом, «год за три» или то же: «Пятилетку за три года!» Вторых, что весьма существенно, страна только недавно стала поголовно грамотной и приохотилась к чтению художественной литературы. Форма же рассказа наиболее имманентна сюжетной разговорной речи, что являлась до недавних еще времен для народа основным способом близкого к художественному мышления и общения. Не будем забывать аксиому: литературное произведение есть по определению субъект коллективного социумного мышления в непреложном единстве с межличностным общением.

Понятно, что не только и не столько «стройки текущего дня» составляли сюжетную доминанту советского рассказа тридцатых годов: слишком живы воспоминания, как было сказано выше, о начале советской страны. И здесь не было никакого лицемерия и литературного подхалимажа. В своем коротком, энергическом рассказе «Сон» Валентин Катаев дает следующую концовку: *«Я представил себе замечательную картину. Степь. Ночь. Луна. Спящий лагерь. Буденный на своем Казбеке. И за ним, в приступе неодолимого сна, трясется чубатый смуглый мальчишка с пучком вялого мака за ухом и с бабочкой, заснувшей на пыльном горячем плече».*

Буденный — сугубая реальность времен как Гражданской войны, так и тридцатых годов. И то, что он один из действующих персонажей рассказа, вовсе не «обязаловка имярек»... как не переменным стало в более поздние времена упоминание имен основоположников в любом предисловии к книгам научным и художественным... как в наше время в любом литературном, чаще — околосредствителенном, «рассуждении от СМИ» из отечественных поэтов назовут обязательно и только Мандельштама, Пастернака и Иосифа Бродского, чуть реже — Ахматову и Цветаеву. — Из числа «жертв сталинизма». *И только*, заметим мы, нисколько, впрочем, не сомневаясь в их талантах.

Такая же «обязаловка имярек» и для современного Запада характерна. Например, вы не найдете ни одной научной книги ихних нобелевских (и ненобелевских) лауреатов без упоминания к месту и не к месту имени Эйнштейна. И не найдете книги, изданной на Западе или у нас в советские годы, где бы было выражено сомнение в теории Дарвина... разве что только в нескольких «сельских» штатах США. Это все к слову, так сказать.

С неугасаемым талантом пишет в тридцатые годы рассказы Горький — те же «Бык» и «Рассказы о героях». Еще раз отметим *многоцветье* рассказов писателей того времени. Какое тут «под одну гребенку суконно-партийного соцреализма»? Наряду с классикой русской словесности Всеволода Вишневского («Гибель Кронштадтского полка»), Сергеева-Ценского («Платаны»), Вячеслава Шишкова («Чертознай»), Всеволода Иванова («Лобанов»), замечательными рассказами Константина Федина и Алексея Толстого, особенно его «Марта Рабе», публикуются произведения новаторов русского литературного языка Юрия Тынянова («Малолетний Витушишников»), Павла Бажова (его уральские сказы), «Зеленая лампа» Александра Грина, совершенно самобытные рассказы Андрея Платонова («Фро» и др.), «Рождение человека» Бориса Пильняка, рассказы Юрия Олеши и Исаака Бабеля, «Страдания молодого Вертера» Михаила Зощенко, в полную мощь «расписались» Константин Паустовский, Лидия Сейфуллина, Михаил Кольцов и многие, многие другие советские писатели, имена которых и сейчас, в новом веке, на слуху — при всем и полном оскудении интереса к чтению.

Однако, настоящий очерк приурочен к юбилею признанного основателя и <литературного> идеолога социалистического ≡ социального реализма Алексея Максимовича Горького, поэтому и завершим его отпущенными этому выдающемуся рус-

скому и советскому писателю годами жизни. Главное об этом творческом методе и, хотя и кратко, о ведущей роли в его практической реализации великого пролетарского писателя мы сказали. Надеемся, не «суконно-цинковым» языком. Благо, всероссийский ордена Г. Р. Державина литературно-художественный и публицистический журнал «Приокские зори», редактируемый вашим, уважаемые читатели, покорным слугой, объявил 2018-й год Годом чистоты русского литературного языка (см. «Общеписательскую литературную газету», декабрьский номер за 2017-й год, стр. 2).

Законный вопрос: закончился ли с поражением СССР в Третьей («холодной», информационной и пр.) мировой войне творческий метод соцреализма? И более широко: завершился ли вообще метод реализма, любого, с различными определяющими прилагательными, в наше время все более торжествующего глобализма? По здравому разумению и достаточному опыту редактирования «толстого» литературного журнала ответу скорее отрицательно. Пока человечество полностью не перешло в виртуальную фазу своей эволюции (см. выше ссылку на нашу книгу о глобализации), а до этого еще, слава всевышнему, далеко, реализм был и остается стержневым творческим литературным методом. Поскольку же волею Истории Россия всегда идет своим путем, хотя бы и не в смысле «все в ногу, одни мы не в ногу», в современной нашей словесности реализм сдаваться не собирается. Не боги горшки обжигают, поэтому некоторое время назад мы разработали проект манифеста нового русского критического реализма*. Он ранее был опубликован в ряде изданий литературной периодики, но... повторение — мать учения. Опять же — еще раз скажем в этом очерке — дорого яичко в пасхальный день, то есть по теме юбилея Горького. Поэтому и приводим ниже текст манифеста.

МАНИФЕСТ НОВОГО РУССКОГО КРИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА (проект для обсуждения)

Преамбула. Проект настоящего манифеста имеет целью и впоследствии из нее задачами сформулировать сущность нового критического реализма как основного действенного творческого метода, соотнесенного с современным литературным процессом в творчестве писателей, следующих базовым традициям великой русской и советской литературы XIX—XX веков.

◆ Критический реализм является доминирующим творческим методом в мировой литературе и искусстве, начиная с их оформления в виды творческого самовыражения в античные времена в странах Средиземноморья. Данное определение не исключает аналогичные процессы в Древней Индии, в Древнем Китае, в иных (локальных) центрах цивилизации — принцип полицентричности, свидетельствующий об онтологической априорности доминирования критического реализма в мировой литературе.

◆ Онтологическая априорность метода критического реализма вытекает однозначно и логически непротиворечиво из базовых законов диалектики Гегеля: единства и борьбы противоположностей, отрицания отрицания и перехода количества в качество.

◆ Онтологическая сущность метода критического реализма заключается в социобиологически обусловленном устремлении человека разумного — человека общественного (*homo sapiens* — *homo publicus*) к социально ориентированному сообществу любой формы: от семьи («ячейки общества») до государства, а в реальной перспективе — глобализованного мира.

* Разработке его посвящена основательная книга: Яшин А. А. Прологомены к новому русскому критическому реализму: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2015.— 533 с. (В электронной форме см. на сайте www.pz.tula.ru).

◆ Данное устремление является *идеалом*, то есть недостижимой целью, как, например, идеальное государство Платона, утопии Мора, Кампанеллы, Кабэ и пр.; это означает, что сам процесс названного устремления является перманентным, не имеющим останова — естественного или директивного — до того времени, пока творческое самовыражение будет востребовано человечеством. При этом следует учитывать, что в будущем формы такого самовыражения могут значительно отличаться от современных, традиционных.

◆ Из всех видов непатологического и/или предельно неформализованного («Всякая идея, доведенная до совершенства, есть абсурд». — Б. Шоу) творческого самовыражения именно литературное творчество, в силу своей специфики воздействия на сознание и подсознание человека, является наиболее адекватным цели и задачам феномена критического реализма.

◆ Творческий метод критического реализма в русской литературе является исторически и в современной действительности составной частью мирового, прежде всего европейского, опыта данного феномена, в то же время обладая своей, только ему присущей спецификой.

◆ Спецификой русского критического реализма, обусловленной относительной молодостью отечественной литературы, общинной традицией мироустройства русской жизни, врожденной — генофенотипически — идеологией византийского православия, дополненного опытом социально ориентированного государства СССР, является абсолютное неприятие частнособственничества, стяжательства и накопительства, примат коллективизма, вера народа в верховную власть при полярном же неверии власти исполнительной. Это выражено в формуле русского фольклора: «Царь-батюшка дал народу жалованную грамоту, но бояре ее украли и спрятали».

◆ Метод критического реализма, как в русской, так и в общемировой литературе, по своему определению и самоназванию (терминологии) предполагает *конструктивную* лево- или праворадикальную оппозицию явлениям (институтам), составляющим объект художественной критики: государственная власть, исполнительная власть, тенденции общемирового характера, церковь как учреждение, негативные общественные тенденции, антисоциальные проявления, факторы, тормозящие развитие социально ориентированного общества (государства) и так далее. Писатель, по определению, всегда находится в оппозиции к власти.

◆ Для русского литературного критического реализма такими основными объектами являлись и являются: в последней трети XVIII — первой половине XIX века суть институт крепостничества, образованщина (выражаясь словами классика русской литературы), слабость госвласти, которую можно охарактеризовать как устойчивое неравновесие, либо неравновесную устойчивость (термин теоретической биологии); во второй половине XIX — начале XX веков — это самодержавие и огосударствленная церковь — с одной стороны; нигилизм (критики — Писемский, Достоевский, *Лесков*) — с другой. Причем критику этих объектов неправомерно рассматривать как полярную, взаимоисключающую; в итоге-то объектом *ob ovo* у тех и у других оказывался народившийся капитализм, в спешке своего явления в России перескочивший через положенные стадии переходного периода от «задержавшегося» в России феодализма.

◆ В силу указанной выше специфики русского критического реализма конкретным объектом критики нарождающегося капитализма в последней трети XIX века и перехода его в стадию империализма в начале XX века явилось триединство неприемлемых для творчества русских писателей факторов: разрушение патриархальной крестьянской общины, пауперизм городского населения и невиданное ранее в истории России возобладание частнособственнического, накопительского инстинкта. Знаковым произведением явился «Челкаш» Горького.

◆ В период советской государственной оформленности России (1917—1991 гг.), учитывая социальную ориентированность СССР, объектом конструктивного критического реализма до середины 60-х гг. являлись негативные явления, препятствующие построению и функционированию социального государства. Знаковыми, величайшими произведениями здесь являются «Тихий Дон» и «Поднятая целина» (до сих пор недооцененная...) М. А. Шолохова, произведения Андрея Платонова (при всей их аллегоричности), поэзия Маяковского, проза и поэзия писателей-фронтовиков.

◆ В указанный выше период метод критического реализма оставался основным, действенным, но с изменением объектов критики. Инсинуации с перевоплощением критического реализма в «социалистический реализм» — девиз его: «борьба более лучшего с менее лучшим», — приписываемый то Горькому, то Гладкову, принадлежит Пролеткульту с его экстремизмом («сбросить Пушкина с корабля истории» и пр.), потому во внимание приниматься сейчас не должны.

◆ В советский период истории России с середины 60-х гг. и до окончания существования СССР, то есть время «шестидесятников», объекты критики перемещаются от объективных негативных явлений, препятствующих функционированию социального государства, к субъективным, обусловленным партokratическим перерождением правящей верхушки СССР и административно-партийным слиянием в среднем звене управления, стагнацией многомиллионных партийных масс, уклоном в карьеризм и пр. Все это как следствие нарастающего с середины 50-х гг. дисбаланса между стремительной динамикой экономического развития («сталинский разбег») и отсутствием новой — взамен устаревшего марксизма-ленинизма — общественно-социальной и политэкономической теории, о чем в последние годы своей жизни предупреждал Иосиф Виссарионович. Таким образом, в 60—80-е гг. социализм с советским базисом выродился в социализм троцкистского толка: движение — все, цель — ничто. Хотя бы эта «цель» и декларировалась умозрительно: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме».

◆ Выразителями и наиболее активными движителями этого варианта критического реализма явились в 60—80-е гг. писатели когорты «шестидесятников» (имен называть не будем); кто-то из них действовал художественно-интуитивно, но другие, не декларируя этого, понимали существо изменения объектов критики. Соответственно, в указанный период истории русской, советской литературы критический реализм размывался между конструктивной (Байкал, несостоявшийся поворот сибирских рек в Среднюю Азию и пр.) и глухо-оппозиционной доминантами.

◆ Параллельно развивавшаяся в 60—80-е гг. так называемая диссидентская русская, точнее — русскоязычная, антисоветская литература в СССР и за рубежом методологически не подпадала под действенность критического реализма, поскольку полностью лишена качества критического конструктивизма (см. выше) и преследовала иные, отличные от творческих, цели и задачи. Апофеозом здесь явились сочинения А. И. Солженицына. Впрочем, и в рамках этого течения были исключения, например, в творчестве «двойного диссидента» (в СССР и на Западе) А. А. Зиновьева, у которого превалировал критический реализм.

◆ В последние два десятилетия с момента разрушения (не распада! — это фактологически неверно) СССР в русской, российской литературе наблюдается «разноцветье» творческих методов, в том числе и *неконструктивного* критического реализма. Пояснять это не будем, учитывая, что все происходит на наших глазах.

◆ Отход современной русской литературы, равно как и почти всей мировой, от канонов классического критического реализма XIX и XX веков является симптомом естественной исчерпанности данного творческого метода в названных канонах.

◆ Исчерпанность на рубеже XX и XXI веков классического метода критического

реализма обусловлена кардинальной сменой геополитических ориентиров в планетарном масштабе, а именно: эксперимент истории (имеется в виду целеуказание в эволюции человечества) с постепенным переходом к единому, социально ориентированному планетарному сообществу через социализацию (советского, шведского и пр. типов) отдельных государств и их групп-блоков завершился, показав тупиковость такого хода. Имеется в виду общеэволюционный принцип «отсечения тупиковых ходов».

◆ На нынешнем, активно и экспоненциально усиливающемся этапе изменения биогеохимической оболочки Земли, то есть переходе биосферы в ноосферу (по теории В. И. Вернадского), справедливым все же оказался тезис Маркса об одновременности перехода всего земного сообщества к единому, социально ориентированному, мировому государственному образованию через достаточно жесткий и жестокий процесс глобализации, у истоков которой мы сейчас находимся.

◆ Соответственно, объектом конструктивной критики нового литературного критического реализма являются процессы глобализации, включая национальную (государственную) их специфику. То же самое относится к новому русскому критическому реализму.

◆ Поскольку в эпоху глобализации отсутствует, по определению, «сравнительная база» национальных литератур, то объектом критики, в том числе конструктивной, становится не геополитика, социальные и экологические коллизии, но во главу угла ставится объект *расчеловеченья* человека ноосферного (*homo noospheres*).

◆ Сама методология нового критического реализма в указанном аспекте зиждется на сохранении в реальном временном процессе формирования человека ноосферного средствами литературы — художественной и публицистической — тех черт человека личного, общественного и творческого, которые противостоят расчеловеченью, то есть превращению человека в нивелированный винтик глобального механизма ноосферы Земли.

◆ Разумеется, процесс глобализации и перехода к ноосферному единому земному сообществу эволюционно предрешен и неостановим, расчеловеченье неотвратимо, но задача литературы и творчества в целом суть максимально длительно имманентными им средствами конструктивно противостоять этому процессу.

◆ В отличие от западно-восточной (это по И. Гёте) литературы, уже сейчас приобретающей характер «оазисной» и *business*-пиарной, то есть сдающей свои позиции перед натиском глобализма, у классической современной русской литературы, учитывая остающиеся значительными традиции великой литературы XIX и XX веков, имеется намного более прочный и долговременный «запас прочности» для реализации целей и задач настоящего Манифеста.

Резюме. Публикуя настоящий проект Манифеста, приглашаем от имени редколлегии журнала «Приокские зори» широкую литературную общественность страны, русскоязычных читателей и писателей ближнего и дальнего Зарубежья принять участие в его обсуждении, дополнении, критике и пр. для выработки окончательного варианта, который мог бы служить программным документом в рамках отечественного литературного процесса.

